

Крыленко Николай Васильевич

**Статьи о революционной
законности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Статьи о революционной законности / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 68 с.

ISBN 978-5-519-91330-0

Государство и право. Юридические науки. Общая теория государства и права. Теория
права. Право и общественные отношения. Право и законность. Сборник, революционная
законность.

ISBN 978-5-519-91330-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О революционной законности.

(Доклад, прочитанный на собрании Института Советского
Строительства.)

I.

XIV партийная конференция, пленум ЦК нашей партии, а также, в советском порядке, Союзный Съезд Советов признали в качестве очередной задачи осуществление принципов революционной законности, при чем партийная конференция мотивировала эту директиву тем, что «интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства, в связи с проводимой ныне политикой партии, требуют упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти».

На основании этих директив местные органы нашей партии с достаточной подробностью обсуждали на своих заседаниях методы и средства проведения в жизнь принципов революционной законности. Не было почти ни одной партийной конференции или пленума губкома, где бы не стоял доклад о революционной законности. На местах и партийными, и советскими органами проведена в этом отношении большая работа, и результаты ее мы уже начинаем чувствовать в работе местного аппарата, о чем свидетельствуют и доклады прокуроров и другие сообщения с мест.

Вопрос о революционной законности ставится нашей партией не впервые, но никогда еще он не ставился с такой широтой и никогда еще нашей партией не проводились эти принципы революционной законности с такой решительностью и последовательностью, как в настоящее время.

Почему же, спрашивается, именно в 1925 г. вопрос о революционной законности получил такой актуальный характер? Обычно на этот вопрос дается несколько упрощенный ответ. Говорят, что практическая постановка вопроса о революционной законности объясняется тем, что мы теперь перешли из эпохи гражданской войны к мирному строительству. Теперь уже не говорят—пушки и пуле-

меты; теперь можно управлять государством и осуществлять задачи советской власти с помощью законов.

Такое объяснение только в известных пределах можно признать правильным. Конечно, в период жестокой гражданской войны трудно было думать об осуществлении принципов революционной законности. Но нельзя сказать, что в этот период советская власть не управляла страной на основании законов. Если пересмотреть наше законодательство за 17, 18, 19, 20, 21 годы, то мы увидим, что оно представляет собою несколько томов, заключающих в себе немало законодательных актов; многие из них имели и имеют громадное значение и в настоящей момент еще определяют политику советской власти. Конечно, эти законы писались не для того только, чтобы их не исполняли. Отличие тогдашней эпохи от современной сводится к тому, что в период гражданской войны органам власти и в центре, и на местах была предоставлена широкая возможность действовать не столько по принципам революционной законности, сколько на основании принципов революционной целесообразности. Это был период, когда местная власть должна была проявлять широчайшую инициативу, часто не укладывавшуюся в рамки действующего законодательства. В настоящее время мы должны действовать, руководствуясь обратным правилом. Сейчас органы власти должны действовать, исходя прежде всего, из принципов революционной законности, и понимаемую ими революционную целесообразность вмещать в рамки действующего законодательства. В этом основное различие между прошлой эпохой и настоящим временем. Это не значит, что органы власти как в центре, так и на местах не должны проявлять инициативу и самостоятельность; это значит, что эти инициатива и самостоятельность должны осуществляться в рамках действующего законодательства.

Наметившаяся политика нашей власти в отношении революционной законности является не случайной: эта политика тесно связана с развитием нашего хозяйства. Право есть надстройка над экономическим базисом, но вместе с тем действующее право является необходимым активным элементом, в свою очередь воздействующим на хозяйственное развитие. Эта мысль об активной роли государственных органов и правовых норм прекрасно в свое время была сформулирована Плехановым: «Политические учреждения влияют на хозяйственную жизнь. Они или содействуют развитию этой жизни или препятствуют ему. Первый случай несколько не

удивителен с точки зрения Маркса, т. к. данная политическая система за тем и создается, чтобы содействовать дальнейшему развитию производительных сил. Второй случай нисколько не противоречит этой точке зрения, т. к. исторический опыт показывает, что раз данная политическая система перестает соответствовать состоянию производительных сил, она превращается в препятствие для их дальнейшего развития, она начинает клониться к упадку и, наконец, устраняется»¹⁾).

Право, возникая в процессе экономического развития, является необходимой формой регулирования этих отношений. Право обеспечивает определенность и устойчивость существующей экономической организации и содействует нормальному развитию производительных сил. В этом отношении, изучая историческое развитие капиталистического общества, трудно было бы обойтись без изучения и тех правовых норм, которые регулируют его жизнь. ибо эти правовые нормы являются необходимым составным элементом капиталистического хозяйства. Если в буржуазном обществе, где вся хозяйственная система построена на индивидуалистическом начале, на стихийной борьбе отдельных экономических сил, где государственное регулирование хозяйственной жизни играет сравнительно ничтожную роль, право, тем не менее, составляет существенный элемент хозяйства, то у нас, в Союзе Советских Социалистических Республик, где в основе нашего хозяйства лежит государственная промышленность и торговля, где частный капитал играет в обороте сравнительно незначительную роль, где в основе нашей хозяйственной политики лежит принцип планового хозяйства и широкого государственного регулирования экономической жизни, конечно, роль правовых норм, как элемента, регулирующего хозяйство, должна быть в особенности велика. Было бы весьма интересно проследить развитие нашего законодательства в связи с развитием нашего хозяйства и выявить творческую регулиющую роль наших правовых норм. Будущие историки нашего права, вероятнее всего, выполнят эту задачу. Но и теперь уже мы имеем в литературе некоторые попытки определить значение нашего права, как творческого фактора в процессе развития производительных сил нашей страны. Недавно в Киеве вышла работа проф. Кельмана под названием «Производительные силы и право», в которой проф. Кельман сделал попытку выявить влияние нашего законодательства на развитие нашего хозяйства. Это, конечно, только первая попытка,

¹⁾ Плеханов (Бельтов). „К развитию монистического взгляда на историю“ Сочинение под редакцией Д. Рязанова, т. VII, стр. 197.

но и эта небольшая работа с достаточной убедительностью вырисовывает значительность влияния правовых норм на развитие нашей хозяйственной системы.

Мы переживаем сейчас период значительного подъема нашего хозяйства. Этот подъем проявляется как в развитии нашей национализированной промышленности, так и в развитии крестьянского хозяйства. Развивающийся товарооборот между городом и деревней требует твердого правового режима, определенной правовой атмосферы, которая бы помогала развитию этого товарооборота. Эта потребность в твердом правовом режиме среди широких крестьянских масс выявилась с достаточной полнотой на последнем Съезде Советов. Крестьянские беспартийные депутаты, выступавшие на Съезде по докладу Народного Комиссара Финансов, почти в один голос указывали, что деревня в настоящее время страдает не столько от налогового обложения,—сельско-хозяйственный налог говорили они, не велик,—сколько от неопределенности правового положения крестьянского хозяйства. Производитель, указывали они, не знает, сколько с него будет взято налога, когда будет браться этот налог, поэтому он не может учесть этот налог в своем бюджете. И они настаивали на необходимости законодательной ясности в этом вопросе. Но наше развивающееся хозяйство не только нуждается в ясности правового регулирования, оно требует действительного осуществления тех законов, которые советская власть издаст. Какая ценность самого лучшего законодательства, если оно останется на бумаге, а местные органы будут проводить политику, не соответствующую тем законодательным нормам, которые устанавливаются центральной властью? Вот почему требование проведения принципов революционной законности с такой остротой чувствуется в нашей деревне.

Эта потребность имеет свое отражение и в количестве жалоб, подаваемых крестьянством в различные органы, в частности в органы прокуратуры. Если взять цифры жалоб, поданных в органы прокурорского надзора за время его существования, то мы получим следующие данные. Всего было подано жалоб со времени организации прокуратуры до 1 января 1924 г.—192.788; за первое полугодие 1924 г.—122.059, за второе полугодие 1924 г.—122.791 за первое полугодие 1925 г.—167.813. Этот значительный рост жалоб, с одной стороны, конечно, свидетельствует о росте популярности в рабочих и крестьянских массах прокурорского надзора, но, с другой стороны, показывает, что крестьянство все более остро начинает реагировать на правонарушения, совершаемые в деревне, и настойчивее ищет защиты своих прав.

На ряду с общим развитием нашего хозяйства, вызывающим, как мы видели, потребность в твердом правовом режиме, необходимо указать и на ряд других явлений нашей жизни, которые настоятельно требуют осуществления принципов революционной законности. Развитие крестьянского хозяйства в значительной мере связано с работой наших местных органов—сельсоветов, волостных, районных, уездных и губ. исполкомов. Без активного, сознательного участия в этих органах широких крестьянских масс невозможно построить местное хозяйство. Мы сейчас употребили громадные усилия на оживление наших советов. Советской властью изданы новые положения о сельсоветах и волостных и районных исполкомах. Этим органам переданы новые источники доходов. Таким образом, местный волостной бюджет получил довольно твердую экономическую базу. Волостные и районные исполкомы приобрели ряд новых административных прав, вплоть до права издания обязательных постановлений. Все эти мероприятия предполагают самостоятельное, активное участие крестьянства в органах советов. Но такое самостоятельное участие в советской работе опять-таки предполагает наличие определенного правового режима, который бы обеспечил рабочим и крестьянам их права. При политике командования, приказа, которая господствовала в практике предыдущего периода, конечно, невозможно думать о широкой самостоятельности и активном участии крестьянских масс в наших местных советах.

Есть еще и третья причина, которая со всей остротой ставит перед нами задачу осуществления революционной законности. Развитие производительных сил, подъем крестьянского хозяйства неизбежно ведут с собой расслоение нашей деревни: на одном полюсе, появляется кулацкий элемент, на другом полюсе мы имеем бедняцкую деревню, мало обеспеченную средствами производства. На почве этого расслоения происходит борьба между различными слоями деревни. Нельзя, к сожалению, не признать, что, несмотря на существование советской власти, повсюду обстановка этой борьбы складывается благоприятно для бедняка. Неудовлетворительный состав работников, наблюдающийся во многих местах, экономическое давление со стороны кулацкого элемента, которое не может не чувствоваться в деревне, иногда приводит к подчинению наших сельских органов кулацкому влиянию. Отчеты губернских прокуроров не раз констатировали такого рода факты. При таких условиях местные органы власти, иногда под давлением наиболее обеспеченных слоев, становятся

спинной к бедняцкому элементу деревни, оставляя последний без всякой поддержки.

При таких условиях отсутствие законности, дающее широкий простор произволу местной власти, всей своей тяжестью ложится, конечно, на наименее обеспеченные слои деревни. Задачей органов, борющихся за проведение революционной законности в деревне, является создание твердой правовой опоры для защиты интересов трудовых слоев ее.

Вот совокупность тех моментов, которые определяют собою постановку в настоящий период на первую очередь задачи проведения принципов революционной законности.

II.

Мы должны констатировать, что задача, стоящая перед органами партии и советской власти—борьбa за принципы революционной законности—задача весьма трудная. Трудности ее определяются, конечно, прежде всего, некультурностью нашей деревни, слабостью и неудовлетворительностью нашего пизового аппарата, отсутствием сознания важности и авторитетности для местных органов законов и привычкой управлять старыми методами, унаследованными от эпохи военного коммунизма. Здесь нужна не только большая работа в смысле борьбы с злоупотреблениями, контроль и наблюдение за деятельностью местных органов власти, но и громадная работа по выяснению перед широкими рабочими и крестьянскими массами значения революционного закона. В этом отношении надо вслчески поддерживать и углублять работу местных органов юстиции в области, так называемой, «правовой пропаганды».

Но не только в этом заключается трудность борьбы за осуществление принципов революционной законности. Значительным препятствием к проведению в жизнь директив, данных XIV съездом нашей партии, является недооценка революционного значения нашего права в сознании ряда не только губернских, но и центральных ответственных работников. У нас много говорит о значении революционной законности, но не всегда говорящий отдаст себе отчет в том, что такое революционная законность. И эта недооценка значения нашего революционного права часто является психологической основой того, что, на ряду с формальным признанием принципов революционной законности, мы имеем на практике нарушение этих принципов. Я приведу два, на мой взгляд, характерных примера недооценки значения нашего революционного права.

В 1923 году появилась книга т. Гойхбарга «Основы частного пмущественного права». Первая глава этой книги называется:

«Несколько замечаний о праве». Эта глава еще раньше, до выхода самой книги, была напечатана отдельной статьей в журнале «Советское Право». Гойхбарг пишет в этой статье: «Феодальное государство было государством божьей милостью, государством религиозным. Буржуазия назвала свое государство государством правовым. Религия и право—идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую. Если нам еще в настоящее время приходится ожесточенно бороться с религиозной идеологией, то в гораздо большей степени нам придется бороться с правовой идеологией. Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия—опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманивший опиум для того же народа»¹⁾.

И дальше: «Право моложе религии, и потому бороться с идеей права, которая служит интересам эксплуататорского класса, гораздо труднее, чем с религиозными идеями. Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая. Право—следующее убежище для эксплуататорских классов после убежища религии».

Итак, право есть «еще более отравляющий и дурманивший опиум для народа», «последнее убежище для эксплуататорских классов»—таков вывод т. Гойхбарга.

Если бы эта статья появилась на Западе и была предельно значена для германского или английского рабочего, на сознание которого буржуазно-правовая идеология, несомненно, оказала влияние, то, может быть, можно было бы понять смысл появления этой статьи. Ошибки в самой постановке проблемы значения права можно было бы автору простить, в виду его благих агитационных намерений. Но эта статья появилась в советской России в период, когда советская власть начала серьезно подходить к идее революционной законности. Спрашивается, почему нужно было автору бить в набат и бояться отравления сознания рабочих и крестьянских масс «опиумом идеи права». Мне кажется, что вся наша прошлая история в достаточной мере гарантирует нас от опасности, что буржуазно-правовая идеология может в какой-нибудь мере оказывать влияние на сознание рабочих и крестьян. Годы крепостного права, царский произвол в достаточной степени вытравивли в созна-

1) Гойхбарг. «Основы частного имущественного права», стр.

нии русского народа значение идеи права вообще. Свой тяжелый опыт и свои наблюдения над жизнью и деятельностью царского режима крестьянство формулировало крылатым выражением: «Право—что дышло: куда повернешь, то и вышло». Вряд ли эта формула говорит за то, что прежняя эпоха воспитала в рабочих и крестьянстве сознание необходимости уважения к закону.

Я также не думаю, что эпоха гражданской войны могла в этом отношении что-нибудь изменить в сознании рабочих и крестьянских масс. Поэтому т. Гойхбарг мог быть совершенно спокоен: право у нас ни в какой мере опшумом для народа быть не может.

Статья т. Гойхбарга написана у нас в советской России, и если бы наши рабочие и крестьянские массы читали т. Гойхбарга, это оказало бы самое отрицательное влияние на представление рабочих и крестьян о том, какое имеет значение в советской России закон. Правда, в своей статье Гойхбарг оговаривает, что он, конечно, и в мыслях не имел поощрять к несоблюдению правил, установленных советской властью, к неподчинению тому, что мы называем советским правом». Ну, конечно, этого и в мыслях не имел тов. Гойхбарг, потому что как мог бы он иметь это в мыслях, будучи членом коллегии Наркомюста? Но меня интересует не то, что имел в мыслях т. Гойхбарг. Меня интересует, какое объективное влияние могли бы иметь мысли Гойхбарга, если бы они получили широкое распространение.

Нельзя не указать на странность постановки самого вопроса т. Гойхбаргом. Тов. Гойхбарг мыслит какими-то отвлеченными категориями. Он говорит о праве вообще, что право есть «последнее убежище эксплуататорских классов». Но ведь есть право и право. Если буржуазное право является в настоящий период последним убежищем для эксплуататорских классов, то ведь есть советское пролетарское право, которое, если и может быть убежищем, то во всяком случае не эксплуататорских классов, а трудящихся масс Советской России. Если тов. Гойхбарг хотел определить перед русским рабочим и крестьянином значение права, то он должен был говорить о роли советского права у нас, в России, а не только о роли буржуазного права. Тов. Гойхбарг, в объяснение своего отношения к праву, пытается установить, что советский закон, собственно, не есть норма права, это скорее технические правила; поэтому он хотел бы вообще, чтобы к советскому законодательству не применялся термин «право». Но эти положения тов. Гойхбарга—увы!—весьма слабо обоснованы. Когда мы доживем до осуществления

коммунистического строя, при котором умрет государственная форма общежития, тогда мы не будем иметь «права», ибо право есть элемент государства, тогда мы будем иметь технические правила, регулирующие производство и вообще жизнь коммунистического общества. Но пока мы живем в пролетарском государстве, и как бы т. Гойхбарг ни хотел отказаться от термина право, все-таки те правила, которые создает пролетарская государственная власть, есть право, и огульно говорить о праве вообще, как оппуме для народа, во всяком случае значит—не содействовать развитию правового сознания рабочих и крестьянских масс, а, наоборот, его затемнять.

Недооценка революционного значения нашего права, с такой яркостью напечатала свое выражение в цитированной выше работе т. Гойхбарга, нашла свое отражение и в выступлении другого, весьма ответственного работника нашей юстиции—авторитетного работника партии т. Сольца. Я не буду подробно останавливаться на разборе речи тов. Сольца, напечатанной в «Правде» ¹⁾ и в «Известиях». Прекрасную оценку этого выступления дал Н. В. Крыленко в статье, напечатанной также в «Известиях» и «Правде» ²⁾. Я останавливаюсь только на некоторых положениях, развитых т. Сольцем.

Тов. Сольц пытается выяснить различие между буржуазным правом и советским правом. Это различие он видит в том, что «раньше право рассматривалось происходящим от сверхестественных сил. Источник права был доступен только для ученых. Для широких масс это был просто закон. И задача была—повернуть этот закон в свою сторону или против другой стороны. Это происходит тогда, когда правительство действует и вырабатывает право в интересах привилегированного меньшинства. Таков закон, этому закону нужно подчиниться. Право в этом смысле играло особенно реакционную роль. Оно всегда поддерживало господство меньшинства и достигало этого тем путем, что основывалось на том, что ответствен ли это данной букве закона и как думал законодатель, когда издавал закон. Меньше всего занимал вопрос: соответствует ли это интересам жизни».

В этом определении буржуазного права, пожалуй, правильно только одно, что буржуазное право всегда поддерживало господство меньшинства. Все же остальные рассуждения т. Сольца о буржуазном праве говорят только о недостаточном знакомстве его с этим правом.

¹⁾ „Правда“ № 268, 1925 г.

²⁾ Статья Н. В. Крыленко напечатана в настоящем сборнике.

Прежде всего нужно указать, что буржуазные теории давно отказались от мысли рассматривать право «происходящим от сверх-естественных сил». Еще менее основательно утверждение, что буржуазного законодателя «меньше всего занимал вопрос: соответствует ли закон интересам жизни». Элементарное знакомство с буржуазным правом дало бы т. Солыцу возможность убедиться, что буржуазное право—увы!—весьма соответствовало и соответствует жизни. Только какой жизни? Оно весьма мало соответствует жизни рабочего класса, но весьма соответствует интересам буржуазного класса. и, конечно, буржуазный законодатель, издавая закон, об этой жизни думал и этой жизнью интересовался. Ни в какой мере также не характеризует буржуазное право и то, что буржуазный судья при применении закона думал: «соответствует ли это данной букве закона и как думал законодатель». Прежде всего, нельзя не сказать, что и наш судья, применяя пролетарский закон, обязан, конечно, думать о том, какую мысль хотел вложить законодатель в применяемый закон. В этом, конечно, различия между применением буржуазного закона и нашего—нет. С другой стороны, когда буржуазный судья применяет закон, он не только думает о букве закона, но он так или иначе истолковывает закон на основании тех материалов, которые у него имеются. Это же делает и наш судья; и разница заключается в том, что буржуазный судья толкует закон в интересах буржуазного класса, наш судья толкует закон в интересах рабочего класса.

Тов. Солыц так же, как и многие товарищи, недооценивая революционного значения нашего права, не сумел отметить основного различия между нашим правом и буржуазным. А это различие в основном сводится к тому, что буржуазный закон регулирует буржуазное хозяйство и укрепляет буржуазную власть, а советский закон регулирует пролетарское хозяйство и укрепляет пролетарскую власть,—в этом основная разница, в этом объективное различие значения между буржуазным и нашим советским правом. Если в отношении буржуазного права можно признать справедливым замечание т. Гойхбарга, что оно является «последним убежищем эксплуататорских классов», то в отношении нашего права нужно сказать, что оно является мощным оружием в руках рабочего класса в борьбе за укрепление пролетарского государства.

Не сумев выявить отличительные черты нашего пролетарского права, т. Солыц не сумел определить также, в чем выражается революционная законность. Обращаясь к местным работникам, т. Солыц говорит: «Наша основная задача не в том, чтобы держаться за букву закона, который существует в тот или другой